

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-1-10-20

Баранов Владимир Михайлович
Vladimir M. Baranov

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant to head for innovative research development

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Amkudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: baranov_prof@bk.ru

Ромашов Роман Анатольевич
Roman A. Romashov

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15)

doctor of sciences (law), professor, honored science worker of the Russian Federation, professor of department of theory of law and law enforcement activity

Saint-Petersburg humanitarian University of trade unions (15 Fuchika st., St. Petersburg, Russian Federation, 192238)

E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника)

Human dignity (honor) in the aspect of abuse of right (doctrine, practice, technique)

В статье формулируются авторские дефиниции понятий «зло», «злоупотребление», «злоупотребление правом». Представление о злоупотреблении как о выраженном в поведенческих формах и получившем юридическую оценку негативном воздействии позволяет рассматривать в качестве относительно самостоятельных технико-юридических конструкций «злоупотребление в праве» и «злоупотребление правом». В качестве предметов «зловредного» воздействия выступают субъективные права и интересы индивидуальных и коллективных участников правовых коммуникаций. В качестве специфического межотраслевого предмета злоупотребления правом

рассматривается право личного достоинства (честь). Предлагается оптимизировать категориальный аппарат отраслевой юриспруденции за счет сведения всех наименований нематериальных прав, в той или иной степени связанных с уважением к личности, к двум базовым категориям: достоинству и репутации, что позволит значительно повысить эффективность применения мер их правовой защиты.

Ключевые слова: зло, злоупотребление правом, честь личности, достоинство человека, деловая репутация, правопонимание, правовая коммуникация, субъект права, кодекс, уголовное преследование.

The article deals with authors' definition of terms "vice", "abuse", "abuse with right". The understanding of an abuse as a legally assessed negative impact expressed in behavioral form allows considering "abuse in law", "abuse of rights" as relatively independent legally technical constructs. Personal rights and interests of individuals and incorporated participants of legal communications appear as objects of "malicious" impact. As a specific interdisciplinary object of abuse with right the right of personal dignity (honor) is considered. It is proposed to optimize the categories (apparatus of

categories) of professional jurisprudence by reducing the names of all immaterial rights to this or that extent connected with respect to personality to two basic categories: dignity and reputation, which will significantly increase the efficiency of measures used for the legal protection there of.

Keywords: vice, abuse with right, personal dignity, human dignity, reputation, comprehension of right, legal communication, subject of rights, code, criminal prosecution.

1. Понятия «зло», «злоупотребление правом» и «злоупотребление правами» в контексте типологии правопонимания.

Вынося на общественное обсуждение ряд поправок в действующую Конституцию России, Президент государства В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года подчеркнул, что предлагаемые изменения Основного Закона важны «для дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие» [1].

Для того чтобы перейти к рассмотрению проблемы, обозначенной в названии статьи, следует первоначально сформулировать определения таких базовых категорий, как «зло», «злоупотребление» и «злоупотребление правом».

Парадоксально, являясь составляющей множества юридических дефиниций, категория «зло» собственно юридической трактовки не получила. Это, как правило, объясняется «очевидностью» ее смыслового наполнения, что совсем не так. Зло, представляя собой социокультурное явление, подвержено как формальным, так и содержательным трансформациям, что не дает выделить статических критериев, позволяющих достоверно осуществить отграничение зла от добра. «В образе миротворца входит в мир людской Сатана», — поет в одной из своих песен лауреат Нобелевской премии в области литературы Боб Дилан. Зло, сопровождая человека на протяжении всей его жизни, тем не менее является в правовом отношении неопределенным, абстрактным понятием, восприятие и оценка которого осуществляются преимущественно на субъективном уровне.

По мнению авторов, в качестве правового явления злом следует считать *любые формы внешнего выражения негативного воздействия на сознание и поведение субъектов пра-*

вовых коммуникаций. В таком понимании злом для права не являются субъект-объектные отношения (неверие в действующий закон, либо в обещания представителей власти, латентная преступность, скрытый конфликт).

В юридическом контексте зло может быть причинено только одним субъектом права в отношении другого. При этом в обязательном порядке должен иметь место третий субъект, который обладает правовой компетенцией, позволяющей ему квалифицировать осуществленное деяние (не путать с фактическим действием) в качестве юридического зла и относить его в зависимости от обстоятельств к правомерному, нейтральному либо противоправному поведению с определением соответствующих юридически значимых последствий.

Зло в праве — это всегда *злоупотребление — выраженное в поведенческих формах и получившее отрицательную юридическую оценку негативное воздействие лица (индивидуального, коллективного) на предмет правового регулирования (субъективное право, законный интерес).*

Представляется возможным предложить следующую рабочую дефиницию понятия «злоупотребление правом» — это вид юридически значимого поведения управомоченного лица, оказывающего негативное воздействие на правовое состояние (положение) субъекта права (индивидуального либо коллективного) и получающего отрицательную оценку со стороны тех, кому оно адресовано.

Необходимо акцентировать внимание на том, что в качестве злоупотребления правом следует рассматривать не всякое правоограничивающее воздействие, а лишь то, которое характеризуется негативной оценкой (осознанием вредоносности правового воздействия), формируемой на психологическом уровне как у субъекта применения права, так и у адресата правореализационного воздействия. Иными

словами, вести речь о злоупотреблении правом следует в том случае, когда субъект применения права осознает, что его действия направлены на причинение вредоносных последствий в отношении контрсубъекта, который понимает, что используемые в его отношении правовые средства носят негативный характер и, следовательно, ассоциируются со злом.

Рассматривая право в качестве средства злоупотребления, следует прежде всего определиться с тем, о каком праве идет речь. Представляется, что в собственно юридическом смысле злоупотреблять можно только формальным правом, получающим свое внешнее выражение в материальных и процессуальных источниках, наделенных реальной юридической силой и обеспеченных системой юридических гарантий и санкций.

Применительно к естественному, социологическому, психологическому типам правопонимания точнее фиксировать не злоупотребление правом, а противоречия (коллизии), обусловленные различными подходами к правопониманию. При этом в конечном счете все коллизии сводятся к сопоставлению формального («действующего») права с иным получающим фактическую юридическую силу и только в том случае, когда соответствующие правовые нормы обретают формальное закрепление и юридическое обеспечение.

Понимание злоупотребления правом в качестве вида юридически значимой деятельности, осуществляемой управомоченным субъектом, исключает саму возможность использования в качестве инструмента зла объективного права, которое, будучи независимым в своем структурно-содержательном воплощении от воли каких бы то ни было субъектов социальных отношений, само по себе не способно ни на совершение добра, ни на причинение зла [2].

Объективное право в своем существовании подобно другим объективным законам, которые можно открывать, учитывать в процессе человеческой жизнедеятельности, но нельзя изменять и уж тем более подчинять субъективной воле.

Безусловно, социальная природа объективного права, равно как и других социальных регуляторов (религии, морали) основана на естественном стремлении людей к добру, хотя понимание как самого добра, так и средств его достижения в немалой степени зависит от представлений о добре и зле со стороны конкретного субъекта, который своими юридически значимыми деяниями в равной степени способен творить добро и причинять зло по отношению

к субъектам, вовлеченным в сферу его юридической силы. Следовательно, можно сделать вывод о том, что злоупотреблять можно не правом в целом в силу его объективной природы, а полномочиями и должностными (субъективными правами), которыми субъект наделен в соответствии со своим правовым статусом [3].

2. *Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «злоупотребление в праве».*

Категории «злоупотребление правом» и «злоупотребление в праве» соотносятся как частное и общее. Любое причинение вреда субъекту, независимо от того облечено оно в правовую форму либо выражено в противоправном деянии, есть зло. При этом рассуждения о «зле во имя добра», «выборе меньшего из зол» не меняют сути совершенного зла: неважно, носило оно умышленный либо неумышленный характер. Право, представляя собой сферу социальной коммуникации и, вместе с тем, инструмент регулятивно-охранительного воздействия на общественные отношения, в равной степени может использоваться как для добрых, так и злых целей. То что представляется добром для одной из сторон социально-правовой коммуникации, может рассматриваться в качестве зла для другой и наоборот. К примеру, первоначально задержание сотрудниками МВД журналиста Ивана Голунова подавалось официальными СМИ как добро, выраженное в задержании правоохранительными органами торговца наркотиками. Но практически одновременно стала высказываться и другая, впоследствии возобладавшая точка зрения, в рамках которой доказывалось, что журналист стал жертвой провокации полицейских, действия которых в итоге были признаны злонамеренными и противоправными.

В отличие от общего понимания «злоупотребления в праве», категория «злоупотребление правом» носит частный характер и связана со злоупотреблением со стороны конкретного субъекта, наделенного функциональными полномочиями и способного с их помощью совершить зло в отношении контрсубъекта. Таким образом, говоря о злоупотреблении правом, мы, во-первых, должны иметь в виду, что речь идет только о праве в субъективном его понимании, а, во-вторых, при рассмотрении субъекта злоупотребления следует вести речь о наличии у него специальной правосубъектности, что, в свою очередь, позволяет проводить аналогию между понятиями «злоупотребление правом» и «должностное злоупотребление».

Рассмотрение в качестве объекта злоупотребления субъективного права, а точнее, субъек-

активных прав, предопределяет необходимость разграничения злоупотреблений в сфере материального и процессуального права [4; подробнее об общетеоретических и отраслевых проблемах злоупотребления правом см.: 5].

Материальное право представляет собой смоделированные стандарты возможного, должного, недопустимого поведения в соответствующих отраслевых областях правового регулирования.

Анализ отраслевых кодексов показывает, что понятие «злоупотребление» наиболее часто используется в УК РФ. В качестве примера приведем названия ряда статей этого Кодекса. Статья 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг». Статья 201 «Злоупотребление полномочиями». Статья 201¹ «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа».

Статья 202 «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами». Статья 285 «Злоупотребление должностными полномочиями».

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях упоминание о злоупотреблении встречается лишь единожды. Статья 14.31 закрепляет ответственность за злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке.

В Гражданском, Семейном, Трудовом кодексах понятие «злоупотребление» в названии статей не используется.

Применительно к УК РФ сопоставление названий статей, содержащих понятие «злоупотребление», равно как и иные производные от слова «зло» (к примеру, ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности»; ст. 330¹ «Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента»), позволяет утверждать то, что законодатель произвольно оперирует терминами, особо не вникая в их смысловое значение. Наряду со злоупотреблением полномочиями, в УК РФ говорится об их превышении (ст. 203 «Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей»), присвоении (ст. 288 «Присвоение полномочий должностного лица»), неисполнении (ст. 286¹ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа»). При этом, в чем конкретно заключается содер-

жательное отличие злоупотребления полномочиями от присвоения либо превышения, понять весьма сложно. Сравним диспозиции статей 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», 288 УК РФ «Присвоение полномочий должностного лица» и 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий».

Статья 285 УК РФ определяет, что «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние ...повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций...». Читаем статью 288 УК РФ: «совершение им (государственным или муниципальным служащим. — **В.Б., Р.Р.**) действий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций...». По сути своей приведенные статьи носят дублирующий характер. В обеих статьях злоупотребление представляет собой «существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций». То же самое можно сказать о диспозиции статьи 286 УК РФ, содержащей практически ту же самую формулировку: «совершение должностным лицом действий... повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Получается, что законодатель волевым и вольным образом повторяет одни и те же положения, меняя лишь названия статей, что само по себе с технико-юридической точки зрения вызывает, по меньшей степени, сомнение в целесообразности и эффективности подобного подхода к созданию одного из важнейших и острых в репрессивном ключе российских законов.

Подводя промежуточный итог, следует констатировать, что использование в нормативных правовых актах понятий «злоупотребление», «злонамеренный», «злостный» представляет собой юридико-технический анахронизм, замена которого собственно юридическими категориями будет способствовать текстуальной оптимизации соответствующих документов и усилению эффективности их применения в практических ситуациях.

В отличие от материального права, нормы которого моделируют поведенческие стандарты и носят гипотетический характер, в процессуальной сфере правового регулирования случаи злоупотребления субъективными правами должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, к сожалению, не только являются реальной проблемой, но и

представляют собой широкомасштабную практику, наглядно проявляющуюся прежде всего в сферах уголовного преследования, уголовного правосудия, а также в системе исполнения уголовных наказаний.

Применительно к процессуальным правоприменительным отношениям в реальности можно говорить о пагубной практике злоупотребления субъективными правами со стороны субъектов правоприменительной деятельности.

В современном российском уголовно-процессуальном праве наибольшее количество злоупотреблений приходится на сферу применения такой обеспечительной меры, как помещение подозреваемого или обвиняемого под стражу и его содержание в следственном изоляторе.

Статья 108 УПК РФ «Заключение под стражу» гласит: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению... при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда».

Однако зачастую субъекты процессуального правоприменения принимают соответствующее решение, руководствуясь не нормативными установками, а иной «целесообразностью», в том числе стремлением «сломать» волю заключенного и обеспечить режим «наибольшего благоприятствования» для следствия и судопроизводства, осуществляемых в рамках «обвинительного уклона».

Из названного злоупотребления вытекает еще одно — неограниченное по времени продление сроков содержания в СИЗО. Закрепление на законодательном уровне «разумных сроков» уголовного судопроизводства (ст. 6.1), равно как и нормативное закрепление первоначального 2-месячного срока содержания с возможностью его продления до 6 месяцев и далее не более 18 месяцев (ст. 109), вместе с тем предполагает задействование такой процессуальной стадии, как ознакомление с материалами дела, не ограниченной жесткими процессуальными сроками и позволяющей содержать за решеткой невиновных (в смысле действующей презумпции невиновности людей) практически неограниченное время.

Представляется, что в качестве средства предотвращения этих и подобных им злоупотреблений процессуальными правами следует использовать метод «абсолютной конкретизации» диспозиций процессуальных норм, а также конструирования реальных механизмов юридической ответственности в отношении субъектов, эти нормы нарушающих, и тем самым злоупотребляющих своими процессуальными правами [6]. Вместе с тем, приходится признать, что эффективность запретительных мер в отношении процессуальных злоупотреблений в настоящее время находится на низком уровне [7].

Таким образом, можно заключить, что современное российское процессуальное право предоставляет управомоченным лицам чрезмерно широкие возможности для различного рода злоупотреблений. Однако, отмечая эти «злоупотребления», следует помнить, что в качестве инструмента зла выступает не право как таковое и даже не субъективные правомочия должностных лиц, а выражение ими собственных волевых установок, облеченных в юридические формы, противоправные по своей сути.

3. Злоупотребления в отношении достоинства (чести) и меры правового противодействия им.

В толковом словаре русского языка В.И. Даля честь понимается как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Одновременно честь представляет собой «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое» [8, с. 710].

В современном русском языке понятием «честь» обозначают «достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы, хорошую незапятнанную репутацию, доброе имя» [9, с. 882].

В юридических словарях отсутствует толкование понятия «честь», что же касается комментариев к статье 152 ГК РФ, то в них данная категория понимается как синоним «добраго имени» — «восприятие субъекта самим себя, а также окружающими, с точки зрения личных качеств данного субъекта».

В российское право понятие «честь» пришло из римского, в котором обозначало вид субъективного права. Соответственно честью могли обладать только свободные граждане. При этом поражение в личных правах автоматически влекло потерю личной чести. В русской государственно-правовой традиции, для которой было несвойственно античное (впоследствии западноевропейское) понимание свободы, честь, рав-

но как и достоинство — элементы социального статуса представителей благородных сословий и, в первую очередь, дворянства. Честный, он же достойный человек — это человек благородный. Позднее честность, являясь производной от чести, приобретает более узкое значение и рассматривается в качестве синонима правды и антипода лжи. Честный человек — это тот, кто говорит правду и живет по праву. В такой трактовке честность понимается и в наши дни.

В современной юридической терминологии понятие «честь» используется в официальной судебной риторике в качестве формы обращения к судье, ведущему дело в уголовном процессе: «Ваша честь» (ст. 257 УПК РФ «Регламент судебного заседания»). В таком ракурсе «честь» является столь же не персонифицированным, абстрактным понятием, как «офицер», «товарищ», «молодой человек», использование которого в общении не предполагает конкретно-содержательного наполнения.

В военной практике до определенного времени понятие «честь» использовалось для обозначения формы воинского приветствия, представлявшего собой служебный ритуал, регламентированный уставными нормами. В частности, в российской императорской армии в Правилах воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд (1884) закреплялось положение (§ 6), в соответствии с которым: «При приближении начальника или старшего младший должен встать, отдать установленную честь и не садиться пока не получит на это разрешения». Честь рассматривалась в качестве специфической «нематериальной вещи», которую можно «отдавать», но которая при этом продолжает оставаться неотъемлемой составляющей статуса военнослужащего. Парадокс: честь можно «отдавать» и тем самым всякий раз показывать собственную принадлежность к военной среде, но нельзя терять и уж тем более продавать. Составленный в 1804 году «Кодекс чести русского офицера» гласил: «Душа — Богу, сердце — женщине, долг — Отечеству, честь — никому!».

В отличии от военного контекста воспринимается «девичья честь», являющаяся символом женского целомудрия, физической и духовной чистоты. В отличие от военнослужащих, обязанных «отдавать» честь любому старшему либо равному по званию, «порядочная» девушка обязана честь сохранять и расставаться с ней только после брачного обряда, переводящего ее из статуса «непорочной девушки-невесты» в «замужнюю жену». В таком

понимании девичья честь выступает в качестве естественного неотъемлемого права, с которым можно расстаться (добровольно — отдать честь любимому и раствориться в его семье (отсюда обычай после свадьбы брать фамилию мужа), либо принудительно — быть насильно обещенной), но нельзя обрести вновь.

Кстати, по мнению авторов, именно в таком различии интерпретаций «воинской» и «девичьей» чести кроется причина того, что в современных воинских уставах ритуал «отдания чести» заменен гендерно нейтральным — «отданием воинского приветствия». В настоящее время военная и приравненная к ней служба осуществляется лицами как мужского, так и женского пола, соответственно, для обеспечения «гендерной корректности» законодатель ввел в служебный лексикон аморфное понятие, дабы избежать возможных провокативных проявлений «гендерного неравенства».

Проведенный сравнительный анализ интерпретаций понятия «честь» позволяет утверждать то, что в современном русском юридическом языке оно используется в двух основных смысловых коннотациях: атрибутивной (титularной) и репутационной.

В качестве атрибута честь — это официально принятая форма обращения к судье, который в единственном числе рассматривает дело в процессе уголовного (административного) судопроизводства. Причем, ни в Российской империи, ни в Советской России такое обращение к судьям не использовалось. К имперским судьям обращались, используя общий титул «господин», к советским — «товарищ/гражданин». Почему в современном российском уголовном процессе получил закрепление атрибут «Ваша честь», нигде в официальных источниках не поясняется. Полагаем, что правы те авторы, которые считают: его появление можно объяснить стремлением к либерализации и вестернизации отечественного уголовного процессуального права, развернувшимся в 90-х годах прошлого века и имевшим своей целью «перевод» российской государственно-правовой системы на «западные рельсы» [10]. О том, что данная конструкция является неестественной (а может быть, даже противоестественной) для отечественной судебной системы, свидетельствует и то обстоятельство, что в других отраслях процессуального права (за исключением административного судопроизводства, порядок которого определяется по аналогии с уголовным) она «не прижилась» и законодательного закрепления не получила. Статья 158 ГПК РФ

определяет: «Участники процесса обращаются к судьям со словами: «Уважаемый суд!»». Такая же форма обращения к судьям закреплена в арбитражном процессе (ст. 154 АПК РФ).

Репутационный контекст понятия «честь» предполагает ее восприятие в качестве позитивной репутации, в свою очередь складывающейся как из профессиональных (компетентностных), так и из эмоциональных личностных характеристик лица — обладателя чести.

Отказ от сословно-классового подхода к структурированию современного общества и конституционное закрепление принципа формального равенства граждан означает, что право чести является составным элементом общеправового статуса личности и распространяется на всех физических лиц, находящихся в пределах государственной юрисдикции Российской Федерации.

Рассмотрение чести в качестве предмета правового регулирования актуализирует представление о ней как о специфическом социальном благе, представляющем субъективную ценность, на которую может посягать в своей деятельности как правонарушитель, так и субъект правоприменения, и которая в результате таких негативных притязаний нуждается в специальных мерах правовой охраны и защиты.

Предметное восприятие чести предполагает отношение к ней как к специфическому юридически значимому феномену «нематериального имущества», возникновение которого у конкретного индивида происходит не в силу воздействия позитивного либо естественного права, а в силу осознания самого факта наличия чести и восприятия ее как личной, неотъемлемой (не существующей в отрыве от конкретной личности, «честь имеющей») ценности.

В контексте субъективного права честь — это одновременно нематериальное имущество (имение), с владением которым связано содержание права чести, и, вместе с тем, предмет субъективного права и правового регулирования.

Специфика восприятия чести как субстанции, определяющей содержание одноименного субъективного права, заключается прежде всего в том, что по отношению к чести не действует триада (владение, пользование, распоряжение), определяющая содержание права собственности на вещное имущество. Честью как психологическим состоянием человек может владеть, но не может им пользоваться и распоряжаться. Как уже отмечалось, честь можно потерять, но нельзя передать, продать, обменять и уж тем более вернуть.

Честь как нематериальное имущество (имение), относится к числу не обремененных в вещные формы прав (свобода, равенство, мудрость, благосостояние), возникновение которых определяется не только личными устремлениями индивида, но и объективными условиями окружающей его политико-правовой реальности, выраженной в национально-исторической правовой культуре. Человек не рождается в том смысле, что не осознает себя на уровне субъективного восприятия ни свободным, ни равным, ни счастливым, ни честь имеющим. Он не понимает смысла этих категорий и не думает о них. Однако в современном мире, в том числе в Российской Федерации, каждый гражданин с момента рождения наделяется естественно правовой потенцией, обеспечивающей ему равную с другими возможность обладать личным качественным свойством, называемым достоинством (честь).

Сопоставляя понятие «честь» с другими сходными по смыслу понятиями («достоинство», «доброе имя», «деловая репутация»), используемыми в современном официальном и речевом обороте, следует отметить, что словарное разнообразие имеет в большей степени негативное значение, поскольку способствует «размыванию» предмета правового регулирования в данной области и снижает эффективность правовой защиты соответствующих законных интересов граждан. Представляется, что понятия «честь», «достоинство», «доброе имя», «деловая репутация» нуждаются в разумной дифференциации и практической специализации [подробнее см.: 11, с. 50].

Анализируя перечисленные понятия как предметы правового регулирования и юридической защиты, следует свести их к двум категориям: достоинству и репутации.

Сравнительный анализ понятий «честь» и «достоинство» в имперском русском языке позволяет рассматривать и то, и другое в качестве социальных состояний, представляющих предмет внешнего по отношению к лицу, «имеющему честь» либо «несущему достоинство», уважительного отношения. Интересная деталь: в «далевском» русском языке отсутствует существительное «уважение», означающее не персонифицированное отношение к человеку как к таковому, безотносительно его статусной важности, а субъективную оценку конкретного человека, вступающего в предметные общественные отношения. В словаре Даля есть глагол «уважить» (проявить уважение к «уважаемому человеку»). Предметом уважения яв-

ляется не человек сам по себе, а только тот, кто обладает *заслуживающим уважения* статусом и совершает *заслуживающие уважения* поступки. При этом в условиях сословно-классовой структурированности народонаселения Российской империи «нижестоящие слои» общества («простолюдины», «людишки») были обязаны в силу своего «униженного» социального положения уважать представителей вышестоящих сословий, обобщенно именуемых господами. В свою очередь господин мог уважить (но не был обязан этого делать) «человека», тем самым показав благосклонное к нему отношение.

Честь и достоинство — это предметы уважения. Вместе с тем, если честь в ее тогдашнем понимании представляет собой элемент «благородного» социального статуса¹, то достоинством обладал каждый «достопочтенный» российский подданный. Честью благородный человек владеет в силу своего «благородного» происхождения и принадлежности к «высшему свету» имперского общества. Утрата благородного статуса автоматически влечет лишение чести. В таком понимании восприятие чести идет по аналогии с римским правом. Достоинство представляет собой приобретаемое личное качество. В рязановском «Бедном гусаре» дворянин Мерзляев в отличие от мещанина Бубенцова ведет себя недостойно, о чем ему в лицо говорят представители одной с ним «благородной дворянской корпорации» — офицеры гусарского полка. Однако из этого вовсе не следует, что отрицательный герой утрачивает дворянскую честь, равно как и то, что совершающий благородный поступок простолюдин приобретает от этого «благородный» статус.

Как уже отмечалось, в современном российском обществе отсутствует официальное сословное деление на «элитарные/высшие» и «низшие» социальные слои (сословия, классы, страты). Соответственно понятия «честь» и «благородство» утрачивают свое первоначальное значение и теперь рассматриваются как простые синонимы категории «достоинство», становясь по сути равными ей по смыслу. Так, статья 21 Конституции РФ определяет: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Статья 23 Основного закона России устанавливает: «Каждый имеет право на... защиту своей чести и доброго имени». Очевидно,

что в данном случае законодатель, говоря о чести (о которой ранее в Конституции не упоминается), имел в виду личное достоинство и, таким образом, показал свое отношение к этим понятиям как к тождественным, взаимозаменяемым. Получается, что законодатель, используя на практике понятия «честь» и «достоинство» как самостоятельные юридические категории, вместе с тем использует их в одном смысловом контексте. В связи с этим представляется, что конструкция совокупной защиты чести и достоинства недопустимо широка и позволяет суду и другим правоприменительным органам использовать неконтролируемое усмотрение, затрудняет пострадавшим самозащиту и ставит преграды для обращения к иным социальным регуляторам [11, с. 52].

Касаясь соотношения понятий «достоинство» и «репутация», следует отметить, что *достоинство* в основе своей исходит из эгоцентризма — формирования личного самоуважения, продуцируемого на окружающую социальную среду (считают достойным уважения как правило того, кто уважает себя сам). *Репутация* же основывается на общественном мнении (социальной оценке) и является продуктом системоцентризма, в рамках которого социальная группа оценивает отдельного представителя, независимо от его самовосприятия. Характерным для устойчивой социальной среды является такое понятие, как конформизм (социальная мимикрия), когда индивид пытается встроиться в окружающую его социальную среду, с ее правилами и принципами поведения, хотя лично ему эти правила могут быть неприятны.

Анализ отраслевого законодательства, определяющего правонарушения, связанные со злоупотреблениями в сфере чести и достоинства, позволяет сделать вывод о том, что для законодателя эти понятия являются тождественными. Считаем целесообразным исключить понятие «честь» из уголовно-правового глоссария, оставив в нем только категорию «достоинство». Она более объемна по смысловой нагрузке, актуальнее по практической значимости, мощнее по эффективности правовой защиты. Достоинство человека следует «квалифицировать» как особую интеллектуальную добродетель, поскольку она может мыслиться таковой только по достижении определенного уровня, значимого для его жизни, знания и культуры [11, с. 44]. Честь

¹ Вспоминается диалог между жандармским чиновником Мерзляевым (О. Басилашвили) и актером Бубенцовым (А. Леонов), в фильме Э. Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово». Бубенцов: «Ну какое во мне благородство, Ваше сиятельство. Благородство, по вашей части, по дворянской...».

следует рассматривать как содержательный элемент достоинства, связанный в первую очередь с чувственной мотивацией поведения, соответствующего традиционной корпоративной этике социальной группы, с принадлежностью к которой ассоциирует себя субъект.

Рассуждая о нормативно-правовой регламентации злоупотреблений уничижительного характера, авторам представляется целесообразным выделить преступления против достоинства личности в самостоятельный раздел УК РФ.

В действующей редакции в рамках главы 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», собственно против чести и достоинства, законодателем выделен только один вид преступления — статья 128¹ УК РФ «Клевета» («распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»). При этом в 2012 году была декриминализована статья 130 УК РФ «Оскорбление» («унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»). В настоящее время данный вид противоправного поведения относится к числу административных деликтов (ст. 5.61 КоАП РФ). В КоАП РФ, кроме того, предусмотрена ответственность за дискриминацию — «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам» (ст. 5.62).

Следует обратить внимание на то, что по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека Президент России утвердил перечень поручений. В их число входит рассмотрение вопроса «об усилении ответственности за оскорбление и совершенствование механизмов опровержения недостоверной информации» [12]. Возможно, в ближайшее время в УК РФ «вернется» статья, предусматривающая уголовную ответственность за оскорбление личности, что, по мнению авторов, вполне правомерно. Это тем более вероятно, если принимать во внимание действие такой неоднозначно оцениваемой статьи, как статья 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», предусматривающая уголовное наказание за «публичные действия,

выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих», вплоть до 3 лет лишения свободы. Нельзя не заметить непоследовательность законодателя, который «одной рукой» убирает статью, практическая значимость которой не вызывает сомнений у большинства россиян, ежедневно сталкивающихся с унижающими человеческое достоинство действиями, приводящими иногда к социальным протестам, а «другой рукой» вводит ответственность за «оскорбление чувств верующих». Между тем статус верующих в современной России, являющейся в соответствии с Конституцией светским государством, носит весьма расплывчатый характер. Кстати, неясно, почему ответственность за оскорбление чувств верующих по тяжести последствий намного превышает столь же неоднозначно оцениваемую ответственность за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). За совершение данного преступления законодатель предусмотрел наказание вплоть до 1 года исправительных работ, что весьма сильно отличается от 3 лет «реального срока» за аналогичное преступление, совершенное в отношении чувств верующих.

Анализ перечисленных статей УК РФ позволяет констатировать: в современной России нарушается такой принцип уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, понимаемый как адекватность наказания тяжести совершенного преступного деяния. Получается, что лицо, оскорбившее простого гражданина, уголовной ответственности не несет, а сам факт противоправного поведения, направленного на унижение человеческого достоинства, преступлением не является. Однако, если оскорбляется верующий (причем из содержания статьи следует, что это любой верующий, независимо от того, к какой религиозной конфессии он относится) либо представитель власти (опять-таки, любой власти, как государственной, так и муниципальной), то за это деяние предусмотрено уголовное наказание. Налицо проявление дискриминации и существенный законодательный дисбаланс.

Полагаем, что все перечисленные виды противоправных деяний в зависимости от тяжести последствий могут и должны рассматриваться в качестве как административных деликтов, так и преступлений. При этом градацию следует проводить по аналогии с американским правом, в котором разграничиваются правонарушения филонии (более тяжкие правонарушения, предусматривающие ответственность свыше 1 года

лишения свободы) и мисдиминоры (менее тяжкие правонарушения с ответственностью менее 1 года лишения свободы).

И еще один немаловажный момент. При рассмотрении особенностей привлечения к ответственности за посягательства на достоинство человека следует исходить из того, что в соответствии с действующей Конституцией в Российской Федерации все граждане обладают равным правом на достоинство (ст. 21). Таким образом, равной должна быть и ответственность за посягательство на достоинство человека, независимо от социального статуса как правонарушителя, так и потерпевшего.

В русле этих рассуждений заслуживает всемерной поддержки и широкого распространения методология доктринального анализа защиты достоинства личности в процессе различных оперативных-разыскных мероприятий, следственных и судебных действий. Речь идет именно о системном алгоритме правозащитных деяний относительно уважения достоинства не только тех, кто привлекается к юридической ответственности, но и тех, кто осуществляет обвинение, рассматривает дело по существу, определяет меру государственного принуждения. Если уважение достоинства человека является общеправовым принципом, то единый механизм его реализации не может быть простым и однолинейным. Этот механизм, чтобы быть эффективным, должен «впитать» в себя все междисциплинарное, разноотраслевое богатство технико-юридического инструментария, созданного и апробированного в основных видах юридической практики.

Рассуждая о новой парадигме исследования государственно-правовой сферы на базе осевой методологии, В.В. Лазарев в порядке провокации предложил три постулата: пространство расширяется, время сжимается, человек обезчеловечивается [13, с. 47]. Поддаваясь на эту провокацию, мы считаем важным констатировать: существует ось вращения **«достоинство человека — демократический правопорядок»**. Человек не будет «обезчеловечиваться», если два доминирующих центра — государство и право — сосредоточат свои усилия на возвышении достоинства человека.

Примечания

1. Российская газета. 2020. 16 января.
2. Аболонин В. Действительно ли злоупотребление правом — это употребление права во «зло»? // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 2—5.

3. Колумбаева А.А. Реализация права и проблема злоупотребления субъективным правом // Юридические науки. 2010. № 6. С. 27—31.

4. Васильева С.А. Проблема злоупотребления материальными и процессуальными правами: понятие и признаки злоупотребления правом // Экономика и право. 2013. № 2 (36). С. 52—57.

5. Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23—24 мая 2019 года) / под ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, П.В. Васильева. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. 553 с.

6. Юдин А.В. Предотвращение злоупотреблений процессуальными правами // Законность. 2009. № 5. С. 42—44.

7. Волков А.В. Соотношение запрета на злоупотребление правом с пограничными институтами права // Право и государство: теория и практика. 2008. № 6 (42). С. 69—73.

8. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

10. Откуда пошла традиция называть судью «Ваша Честь»? URL: https://yandex.ru/q/question/otkuda_poshla_traditsiia_nazyvat_sudiu_884eea56/ (дата обращения: 12.02.2020).

11. Баранов В.М. Достоинство сотрудника органов внутренних дел как особый объект судебной защиты: доктрина, практика, техника // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д.Н. Архипова, В.М. Баранова. М.: Проспект, 2019.

12. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (дата обращения: 12.02.2020).

13. Лазарев В.В. Право и закон в системе осевых структур социального программирования // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020.

References

1. Rossiyskaya gazeta, 2020, January 16. (In Russ.)
2. Abolonin V. Is the abuse with right a use of right "for evil"? Arbitrazhny I grazhdansky process, 2009, no. 2, pp. 2—5. (In Russ.)

3. Columbayeva A.A. Execution of right and the problem of subjective right abuse. *Yuridicheskiye nauki*, 2010, no. 6, pp. 27—31. (In Russ.)
4. Vasilyeva S.A. Material and process right violation: definition and attributes of rights violation. *Ekonomika i pravo*, 2013, no. 2 (36), no. 52—57. (In Russ.)
5. Combating the abuse of law: theory, practice, technology: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, May 23—24, 2019) / ed. by V.A. Tolstik, V.M. Baranov, P.V. Vasiliev. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2019. 553 p. (In Russ.)
6. Yudin A.V. Prevention of process rights violations. *Zakonnost*, 2009, no. 5, pp. 42—44. (In Russ.)
7. Volkov A.V. Correlation of the prohibition for abuse with rights with crossborder right institutions. *Pravo / gosudarstvo: theory and practice*, 2008, no. 6 (42), pp. 69—73. (In Russ.)
8. Dal V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition. Moscow: EXMO-Press Publ., 2001. (In Russ.)
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Science. V.V. Vinogradov's Institute of Russian language. 4th ed., ext. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. (In Russ.)
10. Where did the tradition to call the judge “Your Honor” come from? URL: https://yandex.ru/q/question/otkuda_poshla_traditsiia_nazyvat_sudiu_884eea56/ (accessed 12.02.2020). (In Russ.)
11. Baranov V.M. Dignity of a serviceman of the Ministry of Internal Affairs as a specific object of court protection: doctrine, practice, technique. *Protection of rights of the employee of the ministry of internal affairs: doctrine, practice, technique: materials of the All-Russia's scientific and practical conference with international participation* / ed. by D.N. Arkhipov, V.M. Baranov. Moscow: Prospekt Publ., 2019. (In Russ.)
12. The list of instructions following the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights and meetings with Commissioners for Human Rights. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (accessed 12.02.2020). (In Russ.)
13. Lazarev V.V. Law and law in the system of axial structures of social programming. *Law and law in a programmed society (on the 100th anniversary of Daniel Bell): collection of scientific articles* / ed. by V.V. Lazarev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2020. (In Russ.)